

Не надеющаяся

Анна Ланс

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Ланс

Не надеющаяся

«Автор»

2026

Ланс А.

Не надеющаяся / А. Ланс — «Автор», 2026

У боли три лица, и Оливия знает их все. Надежда покинула её и, кажется, не собирается возвращаться. Ночи здесь — это страх. Дни — это работа в ресторанчики, где она задыхается от запаха чужого счастья, пока её собственная жизнь гниет заживо. Но даже самая темная ночь когда-нибудь заканчивается. На пороге её личного ада появляется Кайл, и тьма впервые начинает рассеиваться. Вот только надолго ли? Иногда, чтобы выбраться из ада, нужно позволить кому-то взять тебя за руку. Даже если за эту руку потом придется платить.

© Ланс А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Анна Ланс

Не надеющаяся

Глава 1

Боль ...

Это первое чувство, с которым я просыпаюсь каждый день. У боли нет видов, но все же её делят на три основных вида: ноцицептивная, нейропатическая и психогенная. Мне как главному счастливчику достались все. Ноцицептивная или проще говоря физическая, мне досталась от моего папаши наркомана, который пытался стащить мои сбережения, физической силы мне не досталось, поэтому этот раунд я проиграла. Трудно сопротивляться человеку ростом сто семьдесят три сантиметра и весом сто пятьдесят килограмм, но я пыталась, со стороны это выглядело будто великан сражается с гномом. Можно было просто сдаться и не сопротивляться, но это была бы не я, всеми своими сорока семью килограммами я пыталась защитить свои деньги, чтобы просто свалить из этого ада, но как ранее я сказала, я проиграла. Проиграла так, что две недели была в коме, а после восстанавливалась четыре недели, но это было прекрасное время, несмотря на боль. Я спокойно засыпала и просыпалась, зная, что меня никто тут не тронет и никто не попытается вломиться из папашиных друзей ко мне в комнату, я кушала каждый день и знала, что здесь у меня будет еда завтра и через день, и через два. Здесь была стабильность в отличие от дома. Хотя сложно назвать домом, то место где я живу, но так было не всегда.

Когда-то дом был домом с любящими родителями, двумя детьми и собакой. Раньше мы жили во Флориде, у нас был шикарный дом у океана, была шикарная машина, мы не в чем себе не отказывали. Но все когда-то заканчивается. После смерти моей старшей сестры Эммы три года назад все поменялось. Родители пытались оставаться сильными, но из этого мало что вышло. Отец погрузился в работу с головой, там же пристрастился воровать лекарства и ушёл в зависимость. Ну а мама... Она просто это не выдержала, подала документы на развод и уехала в неизвестном направлении, ничего не оставив. Отец, лишившись работы, стал продавать вещи из дома, а когда все ценное закончилось, начал занимать и так мы лишились дома и прежней жизни. После Флориды мы с отцом переехали в небольшой округ Напа в крошечный прибрежный посёлок, название которого — Маунт-Вью-Бей — осталось только на старых картах. Здесь у воды пахло солью и рыбой требухой, а не лавандой и дорогим парфюмом. Сюда ссылали тех, кому не хватило денег на жизнь среди вечных виноградных лоз.

Здесь у отца остались родственники, они нам и предложили дом, в котором мы сейчас и живём. Дом покрашен в светло зелёный и серый цвет, по всему периметру расположен небольшой белый забор. Тут же есть небольшие кусты с белыми розами и гортензиями. Если снаружи, кажется, что в доме царит любовь и порядок, то внутри все не так. С входа ты попадаешь сквозную прихожую с выходом на небольшой задний двор. Справа от входа расположена лестница на второй этаж, там расположена спальня отца и моя, ванная и туалет. Слева от входа гостиная, объединённая с кухней. В гостиной стоит истёртый диван и письменный стол, напротив дивана стоит телевизор, наверное, единственное, что отец ещё не продал и, что осталось от прежней жизни. Все стены испачканы разводами крови и чем-то ещё чего я не хочу знать, а если обои и есть, то они остались с времён прошлого века.

Но как я ранее сказала, я счастливчик. После физической боли наступает нейропатическая — это боль из-за сбоя в нервной системе, проще говоря периодически в рубец на моем бедре простреливает боль, как будто в кость загнали раскалённую иглу. Врачи говорят, что она временная, но зная себя и как мне везёт, я думаю, эта боль со мной на очень, очень долго.

Чтобы эта боль мне не мешала, приходится пить антидепрессанты, а чтобы купить антидепрессанты мне приходится зарабатывать деньги. Поэтому после школы и по выходным я работаю у мистера Брауна.

Мистер Браун владеет небольшим ресторанчиком итальянской кухни в центре города. Золотые буквы «Территория 1986», написанные витиеватым шрифтом ещё в середине восьмидесятых, местами облупились, обнажив тёмное дерево. Дверь, тяжёлая и дубовая, закрывается с мягким, глухим щелчком, отрезая шум улицы и погружая в совершенно другой мир. Внутри пахнет так, как должно пахнуть в месте, где живёт настоящая итальянская кухня: базиликом, который Марио каждое утро покупает у зеленщика на углу, чесноком, обжаренным в оливковом масле, кисловатым духом сухого красного вина, которое добавляют в соус для оссобуко, и чем-то неуловимо сладким — то ли корицей от яблочного штруделя, то ли просто старой, древесиной. Никакого дизайнерского лофта или имитации тосканской виллы. Стены тёплого терракотового цвета хранят на себе следы времени. На стенах — черно-белые фотографии: Марио, молодой и черноволосый, открывает ресторан; Марио с красавицей-женой, которой уже пятнадцать лет нет на свете; Марио держит на руках крошечного мальчика — своего сына, который сейчас живёт в Бостоне и работает адвокатом, но присылает отцу деньги и каждую неделю требует по видеосвязи полный отчёт о выручке. Мебель — массивный дуб, столешницы отполированы тысячами локтей. Пол из старой плитки, местами потрескавшейся, но идеально чистой. На каждом столе — не бумажные скатерти, а плотный лен, на котором, если присмотреться, можно разглядеть едва заметные пятна от вина, оставшиеся от чьего-то праздника. Приборы тяжёлые, серебро уже давно стёрлось до основания, но Марио наотрез отказывается их менять. Сам Марио Браун — невысокий, коренастый мужчина с круглым лицом и сеткой морщин вокруг глаз, которые становятся ещё глубже, когда он смеётся. Его белая рубашка с закатанными по локоть рукавами и некогда чёрный, а теперь выцветший до графитового фартук — его вторая кожа. Он почти не готовит у плиты, для этого есть молодой помощник Антонио, но ни одно блюдо не покинет кухню без его одобрения. За 39 лет ресторанчик стал чем-то большим, чем просто местом, где едят. Для района это тихая гавань. Сюда приходят не за гастрономическими потрясениями, а за ощущением дома. Молодые пары, которые сидели за дальним столиком на первом свидании, теперь приводят сюда своих детей-подростков.

Но вернёмся к моей последней боли - психогенная. Она выражается постоянной болью в голове, с которой я живу уже три года. Она возникла из-за смерти сестры и усилилась, когда мир окончательно рухнул. Эта боль всегда со мной, днём и ночью, ежедневно и ежечасно, боль никогда не уходит, даже после сессии с психиатром, где я притворяюсь, будто все прошло и я смирилась с её смертью, и со всем, что происходит в моей жизни. Но это все маска, маска «*я прекрасно справляюсь*» Оливии, которая надеется на лучшее и живёт, но под маской, суровая реальность. Там Оливия вся в шрамах и больше не надеющаяся на счастливое будущее.

Глава 2

Открыв глаза, смотрю на часы. Они показывают семь утра. Аккуратно чтобы не причинить себе боль спускаю свои ноги с кровати и осматриваю свою комнату. По сравнению со стандартными комнатами, моя кажется совсем крошечной, будто я и правда живу в чулане. Здесь нет ничего лишнего, в самой комнате поклеены обои бирюзового цвета, эта была моя покупка с первой зарплаты в ресторане. Около окна, которое выходит на задний двор, стоит односпальная кровать, застеленная кремовым старым пледом. Рядом с кроватью стоит письменный стол со стареньким ноутбуком. Это единственная роскошь, которая осталась лично у меня от прошлой жизни. В ногах кровати стоит небольшой комод для вещей, который по чистому везению, кто-то выкинул на помойку. Оглядываю дверь и вижу, что замок не закрыт, и по каком-то чуду, ко мне никто не заглянул этой ночью. Видимо вчера после смены в "территории" и часовой пробежке до дома, я настолько выбилась из сил, что рухнула на кровать и отключилась.

- Твою мать, -прошептала я.

Пuls повышается, в глазах темнеет и я на ватных ногах потихоньку иду к двери, чтобы задвинуть щеколду и закрыть замок на ручке. Прислонившись лбом к двери начинаю потихоньку сползать на пол, стараюсь не шуметь, ведь каждый шум может привести к неизбежному. Сев на пол уже не сдерживаю слез, я плачу, плачу по себе, плачу по той жизни, которой больше нет, плачу от боли, которая стала моей кожей за эти три года и незаметно для себя проваливаюсь в темноту.

Такую прекрасную и понимающую меня, в ней нет боли, нет страданий, в ней я все ещё жива, в ней вся наша семья.

Просыпаюсь из-за шума за дверью и задерживаю дыхание

-Ээээй- сказал незнакомый мне голос. - Держи внутри себя всю свою дурь и не смей на меня блевать

-Джеймс, посмотри на себя в кого ты превратился. До боли знакомый женский голос говорит моему отцу.

Отец что-то невнятно пробубнил и рухнул видимо на кровать

- Вот черт, надо его, наверное, перевернуть чтобы он не сдох.

- Не сдохнет, посмотри где он живёт и в кого он превратился, такие как он уж больно живучие. Такое дерьмо как он живёт долго

Дальше я слышу тихие шаги, которые идут от отцовской спальни к моей комнате.

-Лив, детка, выходи я знаю, что ты там, у тебя сегодня выходной и я видела твою куртку на вешалке.

Выпрямившись, я открываю дверь и бросаюсь в объятия. Зои стоит около моей комнаты и ждёт меня.

- Тихо. Тихо девочка, я рядом. Шепчет мне Зои в волосы.

Зои младшая сестра моей матери она единственная, кто заботится обо мне и единственная кто остался из родственников матери. Она работает пресс секретарём, знаменитой женской группы и постоянно в разъездах. Именно поэтому она не взяла меня с собой, несмотря на то что ей тридцать один, у неё нет постоянного жилья. Зои выглядит как модель, сошедшая с обложки журнала. У неё длинные светлые волосы до талии, которые ей и моей матери достались от их отца, огромные глаза цвета свежей зелени, обрамленные чёрными длинными ресницами, чуть задранный нос и губы, пухлые и ярко красные. Она одета в джинсовые шорты с кедами и белый топ с кружевами на лямках. По сравнению с ней я выгляжу как нищенка, хотя я ей и являюсь. Мои волосы пепельного цвета, доходят до подбородка, ведь иметь длинные волосы это непозволительная для меня роскошь, да и за короткую стрижку менее удобно ухва-

тяться, чем за длинные волосы. Глаза цвета грязи, обрамлены густыми ресницами, прямой нос, незаметно выглядят по сравнению с моими пухлыми губами. Ноги у меня короткие, но попа и грудь, уж сильно акцентируют внимание к моей персоне. Спасибо генетической лотереи хотя-бы за мою внешность.

-Лив, почему ты мне не написала или позвонила? Я думала ситуация стала чуть менее острой, когда мы с тобой разговаривали. Сказала Зои чуть слышно.

-Он забрал мой телефон и продал, сказал «*Что такое дерьмо как ты, не достойно телефона*». Сказала я и вздрогнула когда из спальни отца вышел мужчина.

На вид ему было, около, тридцати лет. Кожа его была цвета молочного шоколада, глаза большие и тёмные, такие же как и брови. Нос прямой и квадратная челюсть, он был одет в простые тёмно-синие джинсы и простую чёрную футболку, на ногах были простые найки.

-Эй, Лив, познакомься это мой друг, Мейсон! Сказала Зои и её щеки вдруг порозовели

-Привет! Сказал Мейсон и протянул мне свою руку. -Зои много рассказывала о тебе, Оливия. Голос у Мейсона был приятный, чуть ниже и с приятной хрипотцой.

Чем ближе Мейсон подходил к нам, тем сильнее чувствовался его одеколон. Он пах свежестью и морским бризом, которое я помню с детства.

-Лив, меня зовут Лив. Сказала я и улыбнулась уголком губ.

-Хорошо, Лив. Сказал Мейсон и улыбнулся в ответ.

Их появление для меня стало лучиком солнца в этой яме с дерьмом, в которой я почти утонула. Их чистота, настроение и внешность резко контрастировала с этим местом. Их аромат не вписывался в атмосферу этого места, даже язык не поворачивается назвать это место домом.

-Что вы тут забыли? Спросила я их, закрывая свою дверь на новый амбарный замок и положив ключ в свои штаны.

-Я пыталась тебе дозвониться, но мне ответил какой-то баран и сказал, что Лив здесь никаких нет, а если бы и была, то сидела бы уже на его члене. Сказала Зои и поморщилась. -Поэтому я приняла решение приехать к тебе и узнать как ты. Сказав это Зои потянулась ко мне и укутала в своих объятиях. От неё вкусно пахло вишней с нотками миндаля. Её запах отличался от запаха царившего здесь. Нынешний аромат, если его можно назвать *благоухал* кислым молоком и лекарствами с нотами хлорки, которой я пытаюсь хоть как-то отмыть все это дерьмо.

Выскользнув из объятий Зои, я забегаю в ванную к своему тайнику с лекарствами. Знаю было бы безопасней хоронить таблетки у себя, но кто знает, чем может обернуться если их найдёт мой отец, а так есть вероятность, что он их возьмёт, то я хотя бы останусь жива. Таблетки я спрятала в корзине с грязным бельем. Навряд ли кому-нибудь из друзей отца или ему самому захочется рыться в его грязном белье. Спрятать у отца было безопаснее. Если эти идиоты и решат обшарить дом, то они не готовы рыться в белье своего друга, но в вещах его дочери пожалуйста. От одной только этой мысли хочется блевать, что я благополучно и делаю в унитаз. Запив свои таблетки водой из-под крана в ванной, я привожу себя в порядок, расчёсываю волосы, умываю лицо и чищу зубы. В своё отражение, я стараюсь не смотреть, я давно перестала себе нравиться. Когда-то лицо полное счастья, стало выглядеть измождённым, щеки впали, круги под глазами стали меньше, но все же их заметно. Прячу таблетки обратно в корзину, закрываю дверь в ванную и иду к комнате отца.

В комнате отца стоит одна двухспальная кровать и шкаф с его вещами. Постельное бельё валяется на полу, рядом его ботинками, которые все в грязи и дерьме. Сам он лежит в растянутой майке с пятнами крови и расстёгнутых джинсах, на которых в районе паха мокрое пятно. От отца, которого я помню не осталось ничего. Когда-то Джеймс Смит был звездой медицины. Он работал в престижной больнице хирургом. Он спасал жизни из таких ситуаций, за которые никто не брался. Его уважали и любили. От его внешности многие сходили с ума, а мужчины завидовали ему. Конечно отец был подтянутым и спортивным, когда-то он без отдышки мог

пробежать около 20 километров, а сейчас даже и метра пройти без неё не может. Некогда стильная причёска, сменилась на сальные пряди, доходящие до плеч. Волосы цвета вороньего крыла, сменились на волосы с проседью. Идеально выбритое лицо стало лицом с бородой до груди. От аромата чистоты и не осталось следа, запах, который его сопровождает пахнет мочой, рвотой и лекарствами. От прежнего Джеймса Смита осталась лишь биологическая оболочка, гниющая и мёртвая, и то и она скоро сдохнет.

Закрыв дверь, я спускаюсь по лестнице на первый этаж. Чувствую онемения языка и прилив сил и понимаю, что таблетки начали действовать. Спустившись, направляюсь к кухне, открываю ящики и ищу что-нибудь перекусить, заглядывать в холодильник смысла нет, ведь он сломался и единственное, что в нем находится это что-то покрытое плесенью. Ставлю чайник и наливаю себе чай. В дальнем углу шкафа для посуды нахожу пару конфет. Боже спасибо, сегодня завтрак удался. С кружкой чая я направляюсь к заднему дворику, где сидят Зои и Мейсон. Они о чем-то болтают, грудь Зои тяжело поднимается и щеки с шеей начинают краснеть, Мейсон её обнимает и наклоняется, чтобы что-то прошептать ей на ухо. Со стороны неловко наблюдать за ними, но в тоже время интересно. Значит просто друг, да Зои? От этой мысли я ухмыляюсь и видимо вслух потому что все действия прекращаются и они отстраняются друг от друга. Я иду к ним с ухмылкой на лице, интересно то как!

-Извините, что помешала, я не хотела. Говорю я с извиняющимся видом.

-Все в порядке, Лив. Отвечает мне Зои и похлопывает рядом с собой по лестнице. - Садись, мы как раз говорили о тебе.сказав это Зои отворачивает взгляд от меня к Мейсону.

-А то как же, -говорю я, садясь. - Ведь именно так выглядит диалог мужчины и женщины когда они говорят о девушке, чья жизнь хуже смерти. Беру и открываю конфетку и смотрю на птицу, улетающую с нашего двора. Лети птичка, хоть кому то повезёт, выбраться от сюда.

-Кхм, я, наверное, пойду. Говорит Мейсон вставая. -Вам есть о чем поговорить, а я пока посмотрю новости. И уходит в комнату.

Оставшись наедине с Зои, мы сидим в тишине и смотрим как деревья начинают потихоньку скидывать свою листву, что в свою очередь означает приближение осени. Осень прекрасное время, Осенью природа погружается в мрак и грязь, она чем то похожа на мою жизнь. Однако природа сменится и наступит зима, чистая и новая, а моя жизнь останется в осени, в грязи.

-Скоро начало учёбы, -говорит Зои и поворачивается ко мне. - Последний год, да, Лив? Последний год и все изменится, ты уедешь отсюда, как и планировала, да? От её слов пошли мурашки. Она смотрит на меня с надеждой и ждёт ответа, которого я не могу ей дать. Я не уверена, что проживу ещё один год. Я ставлю кружку рядом с собой и поворачиваюсь к Зои. В её глазах я вижу слезы, слезы переживания, заботы и надежды, только вот эти слезы должны быть не моей тёти, а у моей матери, которая кинула меня, кинула нас на произвол судьбы и умчала куда-то в поисках лучшей жизни.

-Знаешь, Эйвери звони...ла. Почти шёпотом произносит она. -Она инте...

-Мне не интересно. Перебиваю её я -Мне не интересно знать о человеке, который меня оставил и который знает как я живу, и что я прошла. Вскрикиваю на ноги начинаю ходить взад вперёд.

Разговоры о моей матери вызывают у меня боль, раздражение и злость.Боль испытывает та маленькая девочка, которую бросили и оставили. А раздражение и злость испытывает нынешняя я. Моя мать Эвери Смит женщина очень красивая. Они чем-то похожи с Зои, обе красивые как модели, у обеих большие глаза и густые чёрные ресницы, длинные волосы и стройная фигура, только вот глаза, если у Зои они цветом свежей травы, то у матери они цвета чистого неба. Эвери не работала, она была домохозяйкой, которую обеспечивал муж. А та в свою очередь обеспечивала уют и заботу дома. Многие люди завидовали родителям. Крепкий брак, знакомство со школы, и даже беременность мамы в пятнадцать лет не омрачала их союз.

-Она переживает. Продолжает Зои.

-Переживает?! Останавливаюсь и начинаю кричать. -Если бы она переживала, забрала бы меня, а не оставила тут гнить заживо и умирать каждую секунду.!

-Были обстоятельства...

-Обстоятельства?! Кричу я, но тут же понижаю голос, чтобы не разбудить чудовище наверху. Не должно быть никаких обстоятельств для того чтобы оставить своего ребёнка! Сказав это понимаю, что плачу. Вытираю слезы рукавом от свитера и сажусь рядом с Зои. Беру свою кружку чая и делаю глоток. Жидкость обжигает и согревает. Немного помолчав поворачиваю голову к Зои и говорю:

-Если приехала поговорить об Эйвери, то можешь уезжать, мне нечего сказать тебе больше. Собираюсь встать, но Зои берет меня за руку и сажает обратно.

-Нет прости, я не хотела тебя расстраивать, просто передала, что хотела сказать Эйвери. Зои открывает небольшую сумку, лежавшую у неё на коленях и достаёт оттуда телефон и зарядку и передаёт её мне.

-Держи и даже не смей отказываться, детка. Я должна знать, что у тебя всё в порядке и ты сможешь мне позвонить в любую секунду. Там есть мой номер, и номер Мейсона, поэтому звони в любую секунду.

Дальше она достаёт из сумки конверт и его тоже передаёт мне

-А это деньги, на учёбу. Купи себе все что нужно к школе и еды купи, а то совсем худой стала... При порыве ветра улетишь как шарик и потом ищи тебя. Говорит Зои и улыбается.

Мы обе встаём и направляемся к выходу, следом за нами идёт, Мейсон. Дойдя до их машины, мы останавливаемся и я поворачиваюсь к Зои лицом

-Спасибо и прости меня, что накричала на тебя. Опускаю я лицо к груди

-Эй, Лив, посмотри на меня. Она берет мой подбородок и поднимает его. -Все в порядке. Я понимаю. Я люблю тебя и мне очень жаль, что я не могу сделать большее для тебя. Зои притягивает меня к себе и шепчет на французском *Même la nuit la plus sombre prend fin*. И целует меня в макушку. Мейсон обходит машину и машет мне рукой.

-Увидимся, Лив. И садится на водительское сиденье.

Я уже собираюсь поворачиваться, как окно со стороны Зои открывается и она говорит: - Ой, забыла, Лив, возьми. Она протягивает мне новые наушники для телефона. Машет мне на прощанье и уезжает. Я потихоньку поднимаюсь к себе в комнату, открываю замок и забираю его внутрь, закрываю за собой дверь и проверяю замки. Руки начинает трясти и внутри я чувствую пустоту. Возвращаться за чаем смысла нет, ведь он уже остыл, как труп на заднем дворе нашего дома. Устраиваюсь удобно на кровати, втыкаю наушники сначала в телефон потом в уши, включаю музыку и впервые я чувствую себя собой, свободной и легко дышащей. Хотя это и иллюзия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.